

Жизнь под свастикой… Чёрной тучей осела война на белорусские земли 22 июня 1941 года. Новая власть, новый порядок… Грищеня Мария Ивановна одна из тех, чьё раннее детство оказалось под дулом немецкого автомата. Она родилась в деревне Кольно Житковичского района в 1940 году. Из воспоминаний о военном детстве: «Когда началась война, отца забрали на фронт. Воспитывал её и оказывал помощь дядя, брат матери. Незадолго до войны родители построили новый дом и перебрались туда жить. Но когда пришли немцы, они выгнали мать с детьми к родне, а сами заняли этот дом. В доме поставили два пулемёта. В одном углу прорубили отверстие и дуло направили в сторону Турова, а во втором углу – на Житковичи. Настало тяжёлое время… Мать работала не покладая рук, чтобы прокормить детей: ткала сукно, собирала жёлуди, сдавала масло и молоко, держало небольшое хозяйство. Немцы заставляли её им готовить, убирать и стирать. Отношение к оккупантам было разное: часть немцев не проявляла агрессии по отношению к местному населению, другая часть жестоко расправлялась со всеми, кто был уличён в связях с партизанами и подпольщиками. Фашисты не щадили ни детей, ни взрослых, ни стариков. Они развесили повсюду приказы, которые заканчивались словами "за неповиновение - расстрел”. И расстреливали, вешали, избивали. Обыски, облавы, выстрелы не прекращались и по ночам.

Фашисты и полицаи врывались в дома, ставили всех к стенке, переворачивали все штыками, забирали теплые вещи, избивали. Мне и сейчас трудно понять, почему сразу нашлось столько полицаев-предателей, которые были еще более жестокими, чем немцы. Война заставила нас, маленьких детей, по-другому смотреть на мир: с постоянной тревогой за свою жизнь и жизнь наших близких. В 1944 году деревня была освобождена - вернулся отец. Он был награждён 11 медалями и 7 осколками в животе, поэтому прожил н много. Я пошла в школу. Правда, учились в одном классе дети разного возраста. Не хватало учебников, письменных принадлежностей, писали на газетах, обрывках бумаг, вместо парт и стульев были длинные столы и лавки. С ранних лет помогала родителям по хозяйству. О дне Победы я узнала 9 мая утром. Нет слов, чтобы описать этот день. Люди плакали, смеялись, обнимались, кричали: "Ура”. Народ победил, выстоял эту страшную войну».

Дети в фашистских лагерях В 1993 году детям, прошедшим фашистские лагеря, был присвоен официальный статус несовершеннолетних узников концентрационных лагерей. Вспоминает Холоневец Галина Яковлевна: «Родилась 31 декабря 1925 года, проживала тогда и сейчас в Житковичах. Раньше это была Полесская область, теперь Гомельская. В Житковичах наша семья из пяти человек жила в квартире возле железнодорожного вокзала. Хорошо помню, как появились в городе немцы, как бомбили город, низко летевшие, огромные чёрные самолёты со свастикой и стояли эшелоны с оружием на вокзале. Мы с родителями уехали в деревню к маминому брату, а когда вернулись, увидели, что наш дом сгорел. На улице Чкалова проживали евреи, вначале войны они эвакуировались и мы заняли один из пустующих домов, но немцы нас

и оттуда выгнали и мы стали жить у папиного знакомого на улице Ленина. Жили все в одной комнате. И вдруг пришли немцы, около шести часов утра, со списком и начали читать, кого забирают. В этом списке оказалась я, моя сестра и брат. Сказали собираться, взять с собой вещи. Нас погрузили в товарные вагоны. Тогда из Житкович очень много людей забрали. Привезли нас в Германию в город Гайслинген-Штайге в Баварии в лагерь. Нас расселили по лагерям в зависимости от национальной принадлежности. В этом городе находилась фабрика «Вюртембергие-металлварен фабрик» (ВМФ). Немцы осмотрели людей и распределили по работам: кто сильнее на тяжёлые работы, кто слабее на более лёгкие. Меня отправили работать на металлургический завод в восемнадцати километрах от лагеря в город Гергинген. Работали мы по двенадцать часов в цеху, вывозили железную стружку. Кормили плохо – гнилой брюквой и баландой, хлебом из древесных опилок и отрубей. Один немец - мастер, в возрасте, когда мы работали ночью, всегда оставлял нам булочку хлеба и засовывал в карманы яблоки. Молодые немцы не были такими добрыми. Хорошо относились немцы только к французам. Освободили нас 21 апреля 1945 года. Так закончилась наша жизнь под немцами. Началась мирная жизнь после разрухи, в голоде и нищете. Не дай Бог этому повториться!»

Сын полка. С трепетом держим в руках и рассматриваем военные фотографии Старобинского Зямы Айзиковича (Семёна Алексеевича) - сына полка. Родился Зяма Айзикович 5 сентября 1929 года в городе Житковичи. Когда началась война, мальчику было 12 лет, он проводил летние каникулы в детском лагере под Гомелем. Отец приехал его забирать как раз в день начала Великой Отечественной. Вспоминает Зяма Айзикович: «Мы добрались до Калинкович, и там я впервые увидел немецкие самолёты и бомбёжку. До дома мы не добрались: с отцом отправились в Россию. Мать и сестру я не увидел: они остались в Житковичах. Меня, голодного, подобрали солдаты, так я и стал сыном полка. В свои годы, как и многие мальчишки и девчонки того времени, понял: у войны не детское лицо. С октября 1941 по 1945 гг. находился в рядах Красной Армии. Полевая почта 53432. Воевал с фашистами наравне со старшими товарищами, попадал в окружение. И лишь в мае 1945 года он вернулся в родные Житковичи и впервые за годы войны встретился с родной матерью. Отец пропал без вести». Свою первую медаль ветеран получил в 1946 году за Победу над Германией. Неоднократно был награждён юбилейными медалями, медалью Жукова, более 20 благодарностей за общественную работу. «Наша белорусская священная земля облита кровью предков – нельзя забывать об этом» - сказал нам на прощание Зяма Айзикович.

Блокадник. Мой дедушка, Дробышевский Иван Алексеевич, родился 24 июля 1933 г. в деревне Шепотовичи Чечерского района, Гомельской области в семье военного и простой сельской рабочей. В семье было трое детей: он, старший брат Виктор и средняя дочь Алёна. Когда дедушке было три года, вся его семья переехала в Ленинград. Летом 1941 г. прадед ушел на фронт. Дети же остались вместе с мамой одни в городе, а уже через несколько недель, 8 сентября 1941 г., началась блокада Ленинграда. Дедушкина мама каждый день ходила на совхозное поле, работала с утра и до ночи, очень старалась, выбиваясь из последних сил. Как говорил дедушка, только она одна, фактически нас и спасала тогда: то от себя урывала лишнюю порцию от обеда, чтобы прислать её нам, то хлеба кусочек, а сама

терпела холод и голод, имея рабочую карточку, питалась хуже служащего С каждым днем ощутимее становился холод и голод. С ноября 1941 г. по 25 декабря 1941 г. снижалась норма выдачи хлеба, другие продукты по карточкам почти не отоваривались, иногда до ноября 1941 г. вместо положенного мяса 25 г на день, выдавали на выбор: яичный порошок, студень с отвратительным запахом из бараньих кишок или мездры молодых телят. В ноябре 1941г. была установлена минимальная норма выдачи хлеба, работающим – 250 грамм, иждивенцам и детям – 125 грамм. Хлеб состоял из пищевой целлюлозы, хлопкового жмыха (до войны использовался в топках пароходов), обойной пыли, вытряски из мешков, кукурузной муки и ржаной муки. На вкус хлеб был горьковато-травянистый. Семья дедушки, как и все ленинградцы, оказались зажатыми в темном холодном каменном мешке города. Есть было нечего. Начался голод. К нему прибавились беды: мороз, доходивший до -40С, отсутствие воды, тепла, света. Стоял транспорт, заводы, фабрики – электричество не подавалось. После начала блокады, как говорил дедушка, он услышал новое слово «смерть», в дальнейшем ставшее обыденным и часто упоминаемым, но он никогда, будучи ребенком, и думать не мог, что оно коснется и его семьи. И вот в конце января 1942 года, на имя матери пришел черный треугольный конверт («Та самая «похоронка», как я узнал позже,» - говорил дед), в котором сообщалось о смерти отца. Но, как говорится, «беда не приходит одна», спустя несколько дней, 01 февраля 1942 г. погибла прабабушка при очередной бомбежке Ленинграда, возвращаясь домой. 05 февраля того же года погиб и старший брат деда Виктор (расстрелян с самолета). 13 февраля 1942 г. умерла и сестра дедушки Алёна от тифа. (Места захоронения матери, сестры, брата деда неизвестны, т.к., по его словам, их похоронили совсем незнакомые ему люди; он же в то время был под опекой молодой солдатки, Марии Гавриловой, которая также во время блокады потеряла всю свою семью. Как говорил дед: «Я до конца своих дней буду благодарен этому человеку, которая спасла меня и не дала погибнуть мне в те роковые дни!») «Трудно было прожить в те дни, холодно, голодно, постоянные бомбежки, обстрелы, доходило до того, что мы питались лошадьми, животными: котами, собаками, крысами, - также на моих глазах в употребление пошли и человеческие останки, было ужасно…» - рассказывал дед. Однако вскоре удалось переправиться с помощью Марии Гавриловой на «большую землю». Переправа произошла 27 февраля 1942 г. Я оказался на советской стороне, там меня войсковые обогрели, одели, дали подкрепиться (есть ведь много нельзя было после долгого голода, можно было умереть же) и отправили в военный госпиталь, чтобы я поправил свое здоровье. В свою очередь я, по просьбе командующего отряда, рассказал о происходящем в ныне уже «чужом» для меня блокадном Ленинграде, что я и сделал…» - слова покойного дедушки.

Вероника Гук

